

В. РОЖИЦИН

Птица-тоска

(О стихах Анны Ахматовой)

И я выпью, я выпью с улыбкой
все налитое ею вино.

.

и мне сладко, — не плачь, дорогая,
знать, что ты отравила меня.

Н. Гумилев

— Отчего ты сегодня бледна?

— Оттого, что я терпкой печалью
напоила его допьяна...

А. Ахматова

1

Или хрупкая тонкость, манерность, лицемерное изящество избалованной в салонах поэзии, — или светло-радостная наивность, лепет первой влюбленности, улыбка первой ласки?

Как трудно в стихах Анны Ахматовой грацию узорно-чеканных слов отличить от невольного крика пережитой боли.

Она — покорна, она — разлюбленная, безвольная под гнетом отравительницы — любви. Не надо знать, и какое мне дело до чувств, которыми были ее стихи прежде, чем стать словами... В этом — жестокость изданной книги стихотворений. В перламутре раковины — болезнь, острая боль, жемчуг-страдание. Но я разжимаю створки души, вынимаю из нее жемчуг, люблюсь им как красотой.

Когда настал вечер жизни, жизни недосказанной и чутко-глубокой, когда окончилась поэма боли и разлуки, весенних

очарований и вечерних грез о прошлом, — тогда кто-то мудрый и безжалостный (не она ли сама?..) собрал созвучия, отчеканил в холодную мерность стиха, нанизал молитвенными четками. Какая несказанная жестокость — читать чужую душу!..

Как соломинкой, пьешь мою душу.
 Знаю, вкус ее горек и хмелен.
 Но я пытку мольбой не нарушу.
 О, покой мой многонеделен.
 Когда кончишь, скажи. Не печально,
 Что души моей нет на свете.

Она сама уверила себя, что научилась просто, мудро жить, что слагает стихи о жизни тленной, тленной и прекрасной... Но это — усталое лицемерие человека, твердящего себе на пытке, что ему не больно. Разве не ею самой написаны строки о предсмертной летаргии, когда уже ничего не снится!..

Как же совместить? Простая радость, но такая, которой надо учиться? Радость летаргии, спокойной, бездонной? Нет, просто —

Вылетит птица — моя тоска,
 Сядет на ветку и станет петь.

Умереть нельзя, нельзя обмануть себя, угасить сознание. И нет сна, чтобы погрузиться в него и видеть обманные видения. Ведь —

Если я умру, то кто же
 Мои стихи напишет вам.

Она создала их не для себя самой, не для книг, не затем, чтобы о них писали рецензии, а — для одного, Единственного. Стали не нужны ему — и брошены в книжную пыль, в магазинные витрины. Их будут читать девушки и поверят, будто прекрасная какая-то поэтесса создала стихи-сказки для них, влюбленная в вечную Красоту...

Я невольно касаюсь стихов Ахматовой так, как берут в руки чужие письма, пахнущие духами и слезами, не смея их прочесть. Только угадываю недосказанную тайну и не умею объяснить...

Она сама стала другой. Иначе хранила бы письма-стихи бережно, в перламутровом ларчике, далекая, но еще не мертвая для них. А теперь должна пережить боль, о которой сказал другой поэт:

О, эти звенящие строки!
 Ты сам написал их когда-то...

— Звонящие строки далеки,
Как голос ушедшего брата...

(В. Брюсов)

Болезненно оторвала от себя прошлое, угасшее. Провела темную черту между собой и умершей женщиной, которая тосковала в стихах о сероглазом короле-женихе, о другом — с красивым тюльпаном в петлице, и еще о третьем — радостно-непорочном, но замученном.

Прости меня, мальчик веселый,
Совенок замученный мой...

Таинственный, сероглазый, милый — один; наглый и злой, красивый и проклятый — другой; и последний из них — мальчик, сказавший: «Как это больно!». Но все вместе — Единственный, очаровательный принц. Не мечта ли сказочной сандрильоны? Никогда не видела, а была с ним на балу во дворце, в танце, в объятии, в мистическом поцелуе...

О Единственном написала стихи. И бросила их всех, как ненужную, раньше дорогую книгу, когда —

Отошел он, и стало снова
На душе и пусто и ясно...

2

C'est un grand ouvrier de miracles que
L'esprit humain! Mais cette relation a ie ne
scaу quoy encores de plus heteroclite...»

M. de Montaigne

Только одно и надо запомнить: душа, пустая и ясная. О наивной отзвучавшей боли написаны стихи. Но не верьте им. Поэтическая наивность всегда бывает продуктом чрезвычайно сложной культуры, стоящей на пороге вырождения. Ее создает литература, достигшая крайней искусственности, давно забывшая о свежести непосредственного чувства. Вполне понятно, что Теокрит писал свои стихи на пыльных и душных улицах Сиракуз, что вечерний и нежный поэт Парни создан Парижем Вольтера, что «маленькая женщина 1914 года» Анна Ахматова живет в Петрограде и встречает кого-то на свиданиях —

Над Невой темноводной,
Под улыбкою холодной
Императора Петра.

Не думайте, будто она пишет в порывистом воодушевлении подсказанные сердцем слова.

Десять лет замираний и криков,
Все мои бессонные ночи
Я вложила в тихое слово...

И целое тысячелетие поэтической техники было нужно, чтобы воспитать и усовершенствовать такую наивную, но такую хрупкую, бесконечно насыщенную содержанием, углубленно-законченную форму стиха, долгим опытом выработать умение выражать тончайшие оттенки чувств, добиться паутиной тонкости стиля. Впрочем, у Ахматовой стиль однообразный, один и тот же во всех стихах, без всякого желания искать новых форм, открывать иные стороны жизни, кроме призраков боли и радости в опечаленной женственной душе.

Замкнутость, однообразие, унылая прелесть однозвучного стиха свойственны эротической лирике везде и всегда. Одно и то же солнце восходит над всеми влюбленными... Во все времена одной и той же болью томилась женская душа. Поэтому, через тысячелетие, одинаково звучат их голоса. Как будто есть что-то общее в грустных жалобах «Героинь» Овидия и в «Четках» Ахматовой,

Она, конечно, современна нам. Она образует только часть мозаических сочетаний очередного дня русской поэзии. Ее не поняли бы вчера и уже не поймут завтра. Это, впрочем, не означает, что Анна Ахматова замкнута в кругу определенной школы. Не по канону она творит; боль опечаленной души ей подсказала созвучия слов. И все же есть что-то заученное, манерное, предопределенное в ее рифмах, в настойчиво-повторном, одно-струнно-монотонном ритме стихов. Сознательно она научилась сливать чувство с предметами, искусственно доводить стихотворения до какой-то крайней реальности, конкретности, до полной нераздельности мыслей и вещей.

Перо задело о верх экипажа.
Я поглядела в глаза его.
Томилось сердце, не зная даже
Причины горя своего.

Почему, по какой истонченной чуткости внимания, непонятное горе сливалось с прикосновением пера к коляске?

Или так:

Каждый день по-новому тревожен,
Все сильнее запах спелой ржи.

Если ты к ногам моим положен,
Ласковый, лежи.

Сладкая истома пахучих осенних колосьев — то же самое, что память о покорной и верной любви. Внешний мир охвачен настроениями, живет в них и только ими. Сам по себе он не существует: запахи, шорохи, цвета, намеки...

Нежность простого чувства, повесть о единой любви, о горе неизъяснимом и ненужном, — изящной прихоти человека, живущего бесцельно в бесцельном мире, — эта наивная лирика резко пересекается принципом той формы поэтического вдохновения, которую мы называем футуризм. Ведь что же иное футуризм, как не символика чувства, выраженная предметами?.. В стихотворениях Анна Ахматова совершенно такая же, как и на своих портретах, написанных футуристами, в призматических сочетаниях, в резких надломленных линиях, в контрастах нагроможденных треугольников.

Я здесь на сером полотне
Возникла странно и неясно.
Взлетевших рук излом больной,
В глазах улыбка иступленья.

.....

Он так хотел, он так велел
Словами мертвыми и злыми.
Мой рот тревожно заалел
И щеки стали снеговыми.

Тот же больной излом, тот же очерк странный и неясный в ее стихах. Совсем не пейзажи или пафос будничных любовных волнений, но — декоративная греза и печальный летаргический этос предсмертия...

Впрочем, футуризм не является решающим моментом в поэзии Ахматовой. Ей так не подходят, так невыразительны для нее штампы художественных классификаций. Но она с холодным расчетом пользуется ритмом и рифмой, пишет стихи не случайные, не просто в порыве воодушевления. Разве неправду о ней сказал Кузмин? —

Ворожея, жестоко точишь жало
Отравленного тонкого кинжала!..

Ее птица-тоска — соловей с выколотыми глазами, научившийся петь в клетке. Она четко соизмеряет слова, чтобы найти самую точную форму и техническим совершенством выразить перебои взволнованного сердца.

Она умышленно затягивает рифму на долгом звуке и нарочно продолжает фразу из третьей строки в четвертую, создавая искусственный, но неотразимый эффект наивности.

Вижу выцветший флаг над таможей
И над городом желтую муть.
Вот уж сердце мое *осторожней*
Замирает, и больно вздохнуть.

.....
Я думала: томно-порочных
Нельзя, как невест, любить.

И она умеет рифмовать сочетаниями слов, причудливыми, но выразительными. Ее рифмы, как скрипка, искусно замирающая в конце прелюдии длительным стоном. Разве похожи на рифмованное созвучие эти необычные сочетания слов? —

Было душно от жгучего света,
А взгляды его — как лучи.
Я только вздрогнула: *этот*
Может меня *приручить*.

Благодаря таким условностям стиха, поэзия Ахматовой кажется надуманной и болезненно-нервной. Она не привлекает, но втягивает в себя, как порочная радость. Но ее технические приемы сложения стихов подчеркивают, ассонансами долгих слогов углубляют смысл, подсказывают чувство. И без этого нельзя. Ведь иначе —

Кто стать звенящими поможет
Еще не сказанным словам?

3

At once to conclude such a fruitless dissension,
Be false, my sweet Anne, when I cease to adore You!

Lord Byron — «To Anne»

Это не уменьшает и не исключает наслаждения стихами Ахматовой, но делает его иным. Она никакой красоте не молится. И не для красоты написаны ею звенящие строки. Только и можно сказать, что они женственно-изящны, но не прекрасны; сильны своей затаенной грустью, дымчатыми намеками, но ничего не говорят до конца. Не то ценно, что написано в строфах, но что сквозь хрустально-однообразную оболочку светится

переливами чувств... Не всегда поймешь их, но всегда очаровательна шелковая ткань затаенных волнений.

Я сошла с ума, о мальчик странный,
В среду, в три часа!
Уколола палец безымянный
Мне звенящая оса.

.....
О тебе ли я заплачу, странном,
Улыбнется ль мне твое лицо?
Посмотри! На пальце безымянном
Так красиво гладкое кольцо.

Разбросаны в строках и строфах звенья цепи чувств, но не свяжешь их в одно, они — недосказанные.

И не доскажет. Скроет в сердце темные символы, стыдливо и грустно уронит увядшие слова в детски-созвучном и однообразном размере стиха. Ахматова знает холодный и жадный вопрос —

Расскажи, как тебя целуют,
Расскажи, как целуешь ты.

Не грешное ли это любопытство? — Разве для того пишут поэты, чтобы научить целовать, рассказывать о своей любви?.. Прочтешь, и станет на душе беспокойно и весело, точно стихами открыл глаза своим еще незрячим чувствам и по-новому увидел черты и минуты жизни. Надо самому досказать отрывистые строки, интуитивно воссоздать образы. А сама Ахматова — бесконечно далекая, потусторонняя, и о себе говорит вне времени —

В то время я гостила на земле.
Мне дали имя при крещеньи — Анна,
Сладчайшее для губ людских и слуха.
Так дивно знала я людскую радость,
И праздников считала не двенадцать,
А столько, сколько было дней в году.

Это рассказала о себе не «поэтка» Анна Ахматова, а невеста Христа, древняя мученица Анна, влюбленная в святого Себастьяна. Спокойно глядя непорочными глазами, стояла перед Диоскором, говорила о радости пытки, о блаженстве райских лилий. Или опять в этом — изысканная манерность, умение современного человека одеваться в чувства всех веков? — и повторяется причудливый образ, о котором я прочел в стихах Георгия Эрарда? —

Не скинув вечернего платья,
 В телесного цвета чулках,
 Вы сядете против Распятья
 С потертою книгой в руках.

.....

И в ласковой шелковой шали,
 Забыв, что ложиться пора,
 О том, как свягую пытали,
 Прогрезите Вы до утра.

Конечно, так. Анна Ахматова — не та, что стояла у гроба княжны Евдокии при жарком пламени трех тысяч свечей, в церкви, где были слепенькие мальчики и кликуши, и черноглазый горбатый старик... Она — современная, наша, она живет в Петрограде в дни Войны. Она видит и знает те же будни, что и мы, но по-иному отражает их в праздничном чувстве. Поэтому узорчато-кружевной рисунок ее стиха так сложен, что передает самые прозрачные тайны, самые беззвучные движения. И так прост, что похож на слова, сказанные в первую весну влюбленности.

Она объяснила наивные тайны и сделал их глубокими и значительными. Есть улыбка, «так, движение чуть видное губ», хранимая для Единственного. У разлюбленной просьб не бывает... Страшно силен тот, кто даже нежности не просит... Жутко глядеть на веки, чуть тронутые черной густой тушью... Как ребенок на песке чертит узоры, развеиваемые ветром, так она написала о движениях мысли, сметаемых усилиями сознания.

Но кому нужны эти маленькие причуды, стихи, похожие на коротенькие любовные записочки. Грустные реликвии разлюбленного прошлого, спрятанные в перламутровой шкатулке?.. Безусловно, нежное чувство так же ценно, как воля, правящая миром. Радость новой красоты не менее велика, чем восторг перед вновь открытыми тайнами жизни... Впрочем, это знает лишь тот, кто пережил Ахматову, а для «читателей» говорить нечего...

